

УДАВЛЮСЬ, А НЕ СКАЖУ.

Такая бѣда припала, говориль полтавскій казакъ своему товарищу, выколачивая коротенькую люльку о каблукъ: - такая бѣда, что хоть плачь: тутъ подай да подай, и передышки не даютъ, чтобъ были къ Покрову; а гдѣ ихъ у чорта возьмешь?

- Не поминай его, сказалъ другой: - нехорошо....

- Ничего, перебилъ первый: - меня чортъ не обманеть: я про него молитву знаю; за то, братъ, ты ужъ никогда не услышишь, чтобъ я ругался, и не терплю за то москалей, что они ругаются. А бѣда, козаче, хоть волкомъ вой.

- Да вѣдь у тебя никакъ было еще карбованцевъ съ десятокъ за Семеномъ Могарычемъ, съ весны, когда онъ у тебя воловъ купилъ?

- Э, вотъ того, братъ, что въ копнахъ не сѣно, въ потравѣ не хлѣбъ, а въ людяхъ не деньги! Семенъ Могарычъ себѣ на умѣ,

не отдаешь - что съ нимъ дѣлать станешь? говорить: подожди.

- Экой старый хрѣнъ, Богъ его суди! Да у него жь денегъ до черта, сказалъ второй казакъ, позабывъувѣщаніе свое не поминать его, и, опомнясь, плонулся: - да у него, Господи прости, цѣлая скрыня деньгами набита!

- А что жь съ нимъ дѣлать станешь, продолжалъ первый: - мы въ его скрыню не полѣземъ; не отдаешь, да и полно, говорить: нѣть теперь. Ужь это такой человѣкъ, самъ ты знаешь, кремень - его не разжалобишь.

- Экой недобрый Семенъ.... о, да хитрый же стариkъ: вѣдь что ты думаешь, для чего онъ не отдаетъ тебѣ денегъ? Вѣдь это онъ все дѣлаетъ, чтобы люди не знали о деньгахъ его, хотеть, чтобы его считали бѣднякомъ; чтобы говорили, вотъ какіе тяжелые года, всѣмъ тошно, всѣмъ душно: вотъ и сердяга Семенъ Могарычъ извелся совсѣмъ; семья большая, всѣхъ кормить надо, одѣть надо, - а тутъ подушное; и не стало силь, и не оплачиваетъ. Видно, нѣть у него ничего въ залишкѣ, видно, люди все

врали.... вотъ онъ чего想要, да! Ну, съ Богомъ! прощай, братъ, прощай! пора и намъ за свое дѣло приниматься.

Потолковавъ такъ о Семенѣ Могарычѣ и о своей бѣдѣ, казаки разошлись; а Семенъ Могарычъ, между тѣмъ, сидѣлъ дома на хуторѣ своемъ, сидѣлъ на печи, покрякивалъ отъ дряхлости и нездоровья, особенно по ночамъ. Долговъ онъ не платиль, семью свою кормилъ и одѣвалъ плохо и все отзывался нищетою. Молва считала Семена богачемъ; а онъ увѣряль, что такие слухи распускаютъ злодѣи его. Оксана, жена его, плакалась на свою лихую годину и съ трудомъ только могла поддерживать домъ. Бывало жили они хорошо, зажиточно, какъ слѣдуетъ порядочнымъ хуторянамъ. Былъ скупъ Семенъ всегда, но въ мѣру, и, что было нужно, въ томъ не отказывалъ; а теперь чѣмъ болѣе стала старѣться и дряхлѣть, тѣмъ становился скрытнѣе, молчаливѣе, упрямѣе и скупѣе. «Семенъ! говорить она ему бывало: - Бога ты не боишься. Что ты дѣлаешь, куда ты деньги бережешь?» -

Какія у меня, у черта, деньги, скажеть онъ, отворотится и молчитъ, хоть она ему часъ голову грызи и рассказывай о томъ, какъ на него плачутся добрые люди, которымъ онъ не платить долговъ; какъ дочери его, невѣсты на выходѣ, сидять по праздникамъ дома, потому что имъ стыднѣхонько въ люди показаться: ни кофточки, ни плахточки, ни хусточки, ни красныхъ черевичковъ.... Семенъ молчитъ, какъ не живой, и даже не стонеть, покуда Оксана не окончить свои причитанья, и тогда ужъ вздохнетъ и, если боль пересилить его, опять себѣ закряхтить. Ударить она руками объ полы, вздохнетъ и сама и отойдетъ опять къ своему дѣлу.

Зиму всю Семенъ просидѣлъ на печи да кряхтѣлъ, и Оксана, хоть и видѣла, что старику плохо, утѣшала себя тѣмъ, что вотъ-де придетъ весна, потеплѣеть, тогда дастъ Богъ-де ему полегшаетъ, авось отойдетъ. Тогда онъ придетъ опять въ свой умъ, можно будетъ и поговорить съ нимъ по старому, какъ бывало прежде, и заставить сдѣлать по домашности, что

нужно. Но весна-красна пришла и стало время уже подходить къ Пасхѣ, которая была на тотъ разъ самая поздняя, а Семену не легче, только все хуже да хуже. Ужь онъ третій мѣсяцъ не только съ мѣста не сходитъ, но ужь и не сидитъ больше, все лежить - и лежить отворотившись отъ свѣта и добрыхъ людей, лицомъ къ стѣнѣ, а спиной къ Божиимъ иконамъ; а это, какъ всякому извѣстно, примѣта самая дурная: значитъ, человѣкъ умреть.

«Что я съ нимъ буду дѣлать? плакалась Оксана добрымъ бабамъ: - умираеть совсѣмъ, вотъ помреть на этой недѣль, и до Святой не доживеть, за грѣхи наши, а насъ сиротъ покинеть и нагихъ и голыхъ, не скажеть, гдѣ у него деньги, такъ и помреть. Что мы тогда горемычные дѣлать станемъ? Вѣдь деньги-то у него зарыты гдѣ-то, ей-Богу; вотъ почему онъ сердечный и отъ долговъ своихъ отказывается и добрыхъ людей въ грѣхъ вводить, и скотинку изъ дому нужную продаетъ на домашнюю потребу, что деньги зарыты въ яму, самъ итти за ними не

сможеть, а намъ никому сказать не想要; такъ и молчитъ.... Ужь и сыновья кланялись ему въ ноги разъ по десяти, и дочери руки цаловали, и я горемычная сколько разъ слезами обливалась - нѣть, молчить, какъ воды въ ротъ набралъ, не говорить ничего, развѣ только проворчить про себя: какія у меня, у чорта, деньги... и опять лежитъ, ровно его нѣть.» - Вотъсосѣдки, утѣшная Оксану, посовѣтовали ей приложить на ночь ломтикъ хлѣба къ ногѣ старика, подъ подошву, и послѣ дать собакѣ да поглядѣть, станеть ли она ъсть хлѣбъ этотъ. Коли станеть ъсть, то старику еще жить, а коли не станеть, то, видно, ему умереть, и тогда-де надо подумать, что дѣлать и какъ быть.

Сдѣлала Оксана, что ее научили добрые люди, и пришла на другой день късосѣдкамъ вся заплаканная: не ъсть собака хлѣба - видно, старику умереть!

Посовѣтовались, потолковали опять и рѣшили итти къ попу, просить его помощи. Не сказавъ обѣ этомъ Семену, не смѣли привести попа, чтобы не вышло хуже:

принялись всей семьей уговаривать его, что, сохрани Богъ, умреть безъ попа: большой грѣхъ будетъ. Долго Семенъ отговаривался, не надо, да и только; наконецъ кой-какъ уломали его, и сынъ тотчасъ поѣхалъ на село. Священнику ужъ напередъ рассказали все дѣло, дружно, всей силой, въ пять или шесть голосовъ, и просили усовѣстить старика, чтобы онъ денегъ своихъ на тотъ свѣтъ съ собою не уносилъ, сиротъ горемычныхъ не покидалъ въ бѣдѣ и нищетѣ, а сказалъ бы хоть кому нибудь одному, хоть старшему сыну, гдѣ у него скончаны деньги.

Будто нехотя Семенъ принялъ священника, кряхтѣль, жмурился, но, между тѣмъ, какъ христіанинъ, понималъ, что нужно исполнить этотъ долгъ, чтобы не погубить души своей и не покинуть нареканія на всю семью. Онъ кряхтѣль, стональ и отмалчивался, будто ему тяжело говорить, но таки волей-неволей даль духовнику отвѣтъ и привѣтъ, въ немногихъ словахъ, и долженъ былъ сознаться, что у него, точно, есть деньги и что зарыты они,

для безопасности отъ недобрыхъ людей и отъ огня, въ лѣсу. Несмотря, однако же, на всѣ убѣжденія попа, Семенъ больше этого сказать не могъ или не хотѣлъ, а кончилъ тѣмъ, что обѣщался непремѣнно показать мѣсто на другой день либо на третій старшему сыну своему и подтвердилъ то же самому сыну этому и женѣ, когда пань-отецъ позвалъ ихъ, чтобы обрадовать покаяніемъ и добрымъ расположениемъ Семена. Вся семья радовалась и умилялась надъ этимъ счастливымъ событиемъ и благословляла священника за его доброе дѣло.

Пришелъ другой день, и день этотъ былъ день общей радости, веселья и празднества не только въ домѣ Семена Могарыча, гдѣ отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ - а потому и радость была не въ радость - но и по деревнямъ и селамъ, на всѣхъ хуторахъ, во всѣхъ концахъ и по всему лицу Россіи: это былъ день Свѣтлаго Воскресенія Христова.

Звонъ колоколовъ раздавался по чистому весеннему воздуху издалече,

черезъ долы и пригорки; солнышко ярко освѣщало свѣжую зелень, легкій вѣтерокъ переносиль и легкій паръ, и теплое дыханіе весны, и отдаленный звонъ изъ окружныхъ церквей, который слышался на уединенномъ, тихомъ хуторѣ Семена Могарыча. Онъ быль дома одинъ: старъ и малъ, Оксана съ дочерьми и сыновьями, отправились къ заутренѣ, и, во уваженіе такого святаго праздника и доброго намѣренія старика, Оксана одѣла и убрала дочерей, какъ могла, и даже не упрекнула его ни разу тѣмъ, что у нихъ нечего надѣть.

Приходить всѣ домой, спокойные, довольные, хоть и не очень веселые, хоть, можетъ быть, и смутные, приходить въ умиленіи, что Богъ далъ дожить и имъ и отцу до такого святаго праздника и что отецъ раздобрился до нихъ, обѣщаю наградить ихъ за долгое терпѣніе и смиреніе, указать, гдѣ у него лежать деньги; а смутные потому, что грустно было имъ подумать о томъ, въ какомъ положеніи найдутъ они дома старика своего, доживеть ли онъ до будущаго утра; робкіе, опасаясь,

не отдалъ бы онъ Богу душу прежде, чѣмъ успѣть исполнить свое обѣщаніе, или не ослабъ бы до того, что уже не сможетъ этого сдѣлать, еслибъ и захотѣль.

Помолились еще разъ усердно Богу, разговѣлись, - а стариkъ, собравшись съ послѣдними силами, не только опять сидѣль, чего давно не бывало, но даже, съ помощію сыновей, привсталъ было для молитвы на ноги. Скоро, однако же, онъ ослабъ снова, легъ, завернулся и укрылся тулупомъ своимъ и лежалъ, какъ не живой. Немного погодя домашніе стали посматривать на него, беспокоиться и перешептываться. Оксана подошла и стала осторожно смотрѣть въ лицо Семена, а Семенъ и самъ глядить на нее во всѣ глаза и молчать.

- Что жь, Семенъ? сказала она: - радостный день пришелъ: сдѣлай, что ты обѣщалъ пань-отцу, и Богъ тебя не оставить. Мы всѣ выйдемъ отсюда, оставимъ съ тобой одного старшаго, Опанаса: поговори съ нимъ, открой ему душу свою. Онъ у насъ замѣсть отца, пусть

онъ одинъ и знаетъ, что есть у нась и гдѣ оно лежитъ....

Семенъ помолчаль, вздохнуль, приподнялся самъ, безъ всякой помощи и, сидя, сказалъ твердымъ голосомъ, какъ давно уже не говориваль:

- Запрягайте мнѣ гнѣдка въ повозку, да скорѣе.

Сыновья, услышавъ это, бросились, обрадованные, исполнить отцовское приказаніе и черезъ нѣсколько минутъ пришли сказать, что лошадь готова. Они оба стояли передъ отцомъ, ожидая приказаній его и полагая, что онъ велить одному изъ сыновейѣхать, сказавъ, гдѣ и что искать.... но Семенъ посмотрѣлъ на всѣхъ, вздохнуль, спустиль ноги наземь и сказалъ твердымъ голосомъ: «подайте мнѣ чоботы, поясъ и шапку.... и свиту новую подайте....» Не смѣли отъ изумленія ни спорить съ нимъ или уговаривать его, ни даже спрашививать, что онъ хочетъ дѣлать, а подали ему одѣться. Онъ самъ натянулъ свои чоботы, всталъ на ноги, надѣль свиту, подпоясался, надѣль шапку и твердымъ

шагомъ, молча, пошелъ къ дверямъ.... Оксана испугалась, бросилась къ нему, стала спрашивать и уговаривать, но онъ отвѣтилъ только: «а ну прочь, я самъ поѣду» и вышелъ на дворъ. Сыновья вышли за нимъ, также въ шапкахъ, полагая, что отецъ кому нибудь изъ нихъ велить съ нимъ ъхать; но отецъ все молчалъ, молча сѣль въ повозку и молча взялъ въ руки возжи.

- Господи! что это будетъ? проговорила Оксана: - вѣдь ты одинъ не справишься, сохрани Богъ съ тобою бѣда какая.... и принялась уговаривать мужа взять съ собою одного изъ сыновей.

Семенъ, молча, какъ будто кивнуль головой. Остапъ вскочилъ на повозку, лошадь тронулась; но въ воротахъ Семенъ громко закричалъ: стой! и велѣль сыну сойти. «Не надо, говориль онъ: - не хочу; одинъ поѣду.» Никакое убѣжденіе не могло заставить его взять съ собою кого бы то ни было. Проговоривъ еще разъ: «не хочу, одинъ поѣду», онъ отправился въ путь. Всѣ домашніе вышли за нимъ слѣдомъ за

ворота, кто просто дивился, кто напутствовалъ старика благословеніями. Такъ онъ въ телѣжкѣ перевалился черезъ горку и скрылся. Никто не посмѣль итти за старикомъ, который повременамъ оглядывался, и Остапъ подумалъ только про себя: «видно, деньги, какъ и люди говорятъ, и вправду зарыты въ терновой балкѣ: отецъ въ ту сторону поѣхалъ.»

Прошло нѣсколько часовъ. Пора ужь и обѣдать; а Семена нѣть. Оксана стала крѣпко беспокоиться и наконецъ послала сыновей искать отца, не случилось ли чего съ нимъ. «Вѣдь онъ совсѣмъ умираль, и Богъ его знаетъ, какъ ему вдругъ полегшало и отпустило, и сѣль и поѣхалъ себѣ, какъ здоровый....»

Сыновья воротились вечеромъ, пройдя всю терновую балку, но ни отца, ни лошади съ повозкой не нашли. Въ домѣ поднялась тревога и сошлись сосѣди изъ двухъ близкихъ хуторовъ. Что дѣлать? Куда итти искать отца?

Вдругъ кто-то увидалъ лошадь съ пустой телѣгой, скакавшей поперекъ степи

и поля къ дому, совсѣмъ не съ той стороны, куда отецъ поѣхалъ. Кинулись встрѣчу: въ телѣгѣ свита, и поясъ, и шапка семеновы, и кнутъ; а его самого нѣть. Разсчитавъ, что лошадь, вѣрно, ближайшимъ путемъ пришла домой, всѣ пошли гурьбой прямо по этому направленію и разсыпались съ ауканьемъ по небольшому лѣсистому овражку, верстахъ въ двухъ отъ хутора.

Уже смерклось. Люди прошли почти весь лѣсокъ, не найдя ничего; вдругъ одинъ остановился и сталъ кричать не своимъ голосомъ, сзываая прочихъ.... передъ нимъ на деревѣ висѣлъ стариkъ Семенъ. Не могши ни отдѣлаться отъ докуки и настоящій семьи своей, ни разстаться со своимъ кладомъ, онъ удавился. Удавиться ему было легче, чѣмъ показать обнищавшему семейству своему, гдѣ у него зарыты деньги.